

ДЕСЯТКИ ЛЕТ в ежизне в Грузию и всегда уложу с собой яркие впечатления от ее природы, от людей, от искусства. Но сейчас все казалось необыкновенным, будто впервые открылся мне этот край. И скорей всего разделилось это ощущение от того, что я увидел на сцене редко играющих корифеев — Верико Анджапаридзе, Акакия Васадзе, Васо Гогинашвили, увидел, как прославленный на весь мир «отец солдата» Сергей Захаридзе сыграл короля Лира. И еще потому, что надежда наша — театральная молодежь — показала интересные, перспективные работы.

1. БАТУМСКИЙ ТЕАТР

В Батуми вы выезжаете не через вокзал в город, а через город к вокзалу.

И поэтому вас уже не поражает, когда вы попадаете на улицы города, оставшаяся изюминка.

И все же встречается нечто, поражающее воображение больше, чем прогулка в поезде по городу Батуми. На афише, проплывающей мимо окон поезда, я вижу «Царя Эдипа» Софокла. И этот спектакль волнует меня, как встреча со старым другом, которого не видел целую вечность.

Да, девятнадцать лет назад я приехал сюда на премьеру «Царя Эдипа», превосходно поставленного Арчилом Чхаташвили, преобладавший в нем человек и режиссером, который не только создает интересные спектакли, но уже долгое время «спасает» оба ведущих грузинских театра, приходя в нужный момент к руководству в Театры им. Марджанишвили, то Театра им. Руставели. Сейчас он главный режиссер у руставелишвили, а тогда, девятнадцать лет назад, возглавлял Батумский театр и поставил спектакль, который так и не сходил со сцены.

Спектакль живет, и по-прежнему Эдипа играет Т. Кобаладзе, сильный, красивый артист правящего тона.

Все так же под звуки фанфар наладилось действие, и по мере того, как зритель входил в атмосферу трагедии, медленно погас свет в зрительном зале, чтобы постепенно зажегся, когда через час с лишним кончится представление. Казалось, театр тягивает зрителя в пучину трагических событий и отпугивает его в повседневность лишь тогда, когда проведет через все круги эдипова ада и добьется очищения души страданием.

Уходящая ввысь во всю сцену лестница, взрезанная посредине прямоугольной нишей-входом с плоской крышей-площадкой, заполняется растекающимся людским потоком, и хор, громадный для небольшого театра, человек в пятьдесят с лишним, то молот о покладе небеса, испускавшие голод и мор, то вылезает о спасении к Эдипу, не раз выручавшему народ из беды.

И снова, как в былые годы, я улавляю тем непреодолимим, немолчим нарастанием трагического, что точно схватил и передал театр, заботясь не столько о красоте поз и внешней динамике, сколько об артистическом и чувстве — ужасавшей мысли и пылающего чувства, которые то замирают в скорби, то бешено пульсируют от отчаяния.

Эдип-Кобаладзе, содрогнувшийся от сомнений, судорожно прикрыв своим плащом прижавшуюся к нему Иокасту (Н. Тетрадзе), а затем, сдернув покрывало, ужаснулся тому, что ничто не переменяло, она все та же, она по-прежнему его жена, хотя оказалась родной матерью... «Судьба», «Рок». И ничего не сделать там, где распоряжаются и определяют боги... Но как же современный зритель? Отчего он с интересом и наслаждением смотрит «Царя Эдипа»? Конечно, зрители поражают события, он потрясен ужасной ошибкой Эдипа, его увлекает динамика действия, но, ужасаясь стечению обстоятельств, зритель слушает то, что верно прочитал театр, и понимает, что человек незряч там, где царит слепая вера, что, обманывая жизнь, он обманывает себя, а уходя от опасности, подвергается ей сто раз, что, наконец, там, где легко убить человека, умерщвляется нравственное основание жизни.

Молодые батумцы! Мне хочется сказать так же только потому, что они создали и сохраняют такой славный спектакль. Какую-то приятность вызывает этот вполне симпатичный театр, во главе которого стоит интеллигентный директор Шота Давитазе, по профессии журналист, давний свет в любительный и новое дело. Главный режиссер Т. Абашидзе — совсем молодой человек, недавно окончивший Тбилисский театральный институт.

И директор, и главнозавоц заботятся в основном — о постоянной молодости

театра и современности тематики его спектаклей. Достаточно взглянуть на афишу последнего времени, чтобы убедиться в желании батумского театра дать своему зрителю разнообразный и привлекательный репертуар. Здесь лучшие современные грузинские пьесы: «Возвращение» Р. Джапаридзе, «Я вижу солнце» и «Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе, «Во дворе злая собака» К. Буачидзе. Наряду с ними идут произведения русских авторов: «Барабанищи» А. Салынского, «104 страницы про любовь» Э. Рязанского и «Блудный сын» эстонского писателя Э. Ранета. Национальная классика представлена произведениями Кидиашви-

ли, Чавчавадзе. Важа Пшавела, А. Казбеги, западная — Софоклом, Голдони, Флетчером. Театр поставил прославленное «Каакарва Тутаберидзе» здравствующего классика П. Какабадзе и популярного «Эзоп» Г. Фигедрело.

В театре появилась большая группа молодежи, недавно окончившая Тбилисский театральный институт. Надо сказать, что сейчас повсеместно творческая молодежь очень уверено и, я бы сказал, безбашенно выходит на тернистый путь искусства. Недавно я видел в одном из театров, как юные исполнители безбоязненно вели сугубо лирическую сцену вплотную к зрителю, в проходе между сценой и первым рядом. Но, если по ходу действия они не плохо изображали юношеское смущение, то внутреннего актерского трепета, нервного ощущения зритель в них не замечалось.

То, что молодежь смело держится на сцене, в общем неплохо: уверенность в своих силах — одно из главных условий творчества. Но, открыв глаза, говоря, меня не радует, что актер перестает бояться зрителя, что исчезает страх, который некогда не преодолевали великие актеры. Уверенность хороша, если она не перерастает в самоуверенность, в ложное ощущение завершенности и непогрешимости своей работы. Сценическая свобода вовсе не свобода от ответственности за то, что играешь, за то, как играешь, от ответственности перед тем, для кого играешь. Дело ведь не только в том, что появляется развязность, рисовка, главное — в коллективном небрежении к общему содержанию, к идее постановки.

Вот, например, спектакль «Мой сын Симон», поставленный в театре. Я привожу этот пример вовсе не потому, что батумская молодежь развязно вел себя на сцене, нет, все здесь было в художественной норме. Но, право же, досадно, что молодые, образованные артисты и вступающий в жизнь режиссер О. Жордания так «бесстрашно» отнеслись к своей сценической задаче. Неужели их интересовало только, как они сыграют пьесу, как изобразят ее персонажей, я вярду с этим не возобладала мысль, что они скажут зрителю я верно ли отразил жизнь в ее существенно развитии? Перед ними была первая пьеса молодого батумского журналиста А. Самсония, в которой автор задается благородной целью — понять, почему деревенская молодежь, уходя в город на учебу, не возвращается назад, а поняв, показать сложность и противоречия, но обратность этого процесса.

Если бы А. Самсония как журналист писал очерк на ту же тему, он, несомненно, взял бы многие стороны проблемы и, отвергая социальное противопоставление города и деревни, нашел бы ключ к решению задачи в экономической и культурной сферах. Но искусство драмы — коварная штука! Здесь не только характеры и диалог, но сюжет и композиция имеют решающее значение в целенаправленном развитии мысли. Автор полон симпатии к старому колхознику Севастия, ему антипатичны городские бездельники. Симпатии и антипатии распределены верно. Но ведь мало сказать: эти хорошие — я их люблю, это плохие — я их ненавижу. В первой сцене на тбилисской квартире Симона его отец Севастий, наступая на стилист, возмущается вадими и одерживает нравственную победу. Однако автору, я может быть,

сцену молодых рабочих, строящих в Тбилиси дом, как бы желая установить равновесие, подчеркивая, что в городе есть не только бездельники, но и работающая молодежь. Но ведь баланс такого рода вовсе не дело искусства, здесь ничто не решится простым сложением или вычитанием. В финале Севастий рассказывает о том, что Симон все-таки приехал в деревню, чтобы подправить пошатнувшееся хозяйство отца. Но это все слова, слова, слова. Слова в иллюстрации. А в самом действии?

Севастия блестяще играет Г. Иманшвили. Ему под стать острохарактерная национальная маюра Р. Какауридзе в комической роли колхозника Гривитона. Яркие типы, городских стилист. Но тут, как говорится, чем лучше, тем хуже. Не подумав, что зритель знает больше, понимает глубже, ориентируется точнее, театр предоставлял ему занимательное, но поверхностное, а в чем-то и неверное зрелище.

А если бы актеры боялись зрителей... Могут сказать: при чем тут молодые актеры, если пьесу трактует режиссер? Или: что мог сделать молодой режиссер, когда рядом был автор? А руководство театра? Сейчас театр понимает, что мало поработал с автором и не «дотянул» спектакль. В этой самокритике — залог будущих успехов. Но речь ведь идет не о том, что не догадывался... Да и не такой уж хрихнал — один неверно рецензий спектакль. Хотелся на этом примере подчеркнуть, что искусство театра коллективно не только по количеству участников, но и по солидарной ответственности всех за все. И пусть не обижается мой друг Батуми, что я воспользовался их спектаклем для далеко идущих выводов.

...Я уезжал из Батуми с хорошими впечатлениями о театре. Проехав Зеленый мис с его великолепным Ботаническим садом, мы поднялись на Чаквинский перевал. За поворотом вдруг вспыхнула солнечная панорама Батуми, изогнувшегося вдоль берега серебристого моря. И мне показалось, что я различаю в ней прикладное здание театра, органически вписавшееся в эту неповторимо прекрасную картину.

Конечно, сердце Батуми — рабочий порт, его легкие — вечнотылающее море, но в его мозгу немалая доля принадлежит искусству. Недаром здесь так хорошо относятся к своему театру. Неспроста и сам театр так озбочен своим будущим. Усиленно репертуару новую пьесу А. Самсония «Море в любви», поставив для детей прекрасную сказку Г. Нахуришвили «Шайтан-Хихо», театр готовится отметить 50-летие Советской власти погонимыми «Человеком с ружьем» и пьесой о народном гере- Несторе Каладаришвили. Нестор был активным участником всех революционных событий в Грузии и в Батуми, затем партизаном в Сибири, командовал войсками Якутской области и Северного края, так же и сложил свою буйную и мудрую голову. Пьеса о таком человеке может стать яркой страницей в истории театрального искусства Грузии. Пьеса эта еще не написана, но Батумский театр не таков, чтобы останавливаться перед трудностями: ему ее напишут.

У Батумского театра есть главное: вкус и современной теме и способность не обольщаться достижениями, так же как не пренебрегать ошибками.

М. ЛЕВИН.

БАТУМИ.